

тав идиллию «Палемон и Дафнис». ⁴⁴ Это произведение, считающееся обычно оригинальным, на самом деле представляет собой искусную переделку идиллии Геснера «Der Sturm». ⁴⁵ Карамзин не стремится воспроизвести все до одной детали геснеровой идиллии; пастухам он дает другие имена (Палемон и Дафнис вместо Лакон и Баттус), однако в целом сохраняет без существенных изменений место действия, сюжет и мораль.

Два пастуха оказываются свидетелями шторма, во время которого тонет корабль и погибает вся команда. Из этого происшествия извлекается мораль: будь доволен собственным жребием и не завидуй чужой судьбе, какой бы привлекательной на первый взгляд она ни казалась. Оригинальность Карамзина состоит в том, что он, независимо от Геснера, сообщил идиллии определенную идейную направленность, которая выразилась в особо тщательной разработке ряда мотивов, ставших центральными. Хотя обе идиллии начинаются почти одинаково, Карамзин в подробностях описывает место действия, всячески подчеркивая безмятежное очарование обстановки, в которой живут герои, с тем чтобы усилить эффект надвигающегося бедствия. Палемон и Дафнис поперебой завидуют матросам, полной ключений кочевой жизни этих людей; автор дает им высказаться, — и только после этого начинается сгущаться тучи: близится шторм (идиллия Геснера открывается непосредственно картиной надвигающейся бури). Далее Карамзин следует за Геснером лишь в узловых моментах, не задаваясь целью дословно воспроизвести описание бури. Умолкают птицы, вокруг темнеет, поднимается ветер, море покрывается пеной, сверкает молния. У Геснера: «Schon ist das Gewitter da; schon toben die Wellen an unserm Ufer, und die Winde heulen durch die gebogenen Wipfel». ⁴⁶ У Карамзина: «Уже вблизи шумит буря — свистят ветры — море волнуется». ⁴⁷ Корабли погибают в разъяренной морской пучине. Свидетели катастрофы и у Геснера, и у Карамзина реагируют на нее сходным образом: первая их мысль — об осиротевших семьях моряков. Перед читателем возникает образ вдовы, стоящей на берегу в окружении малолетних детей, лишившихся отца; его сменяет другой образ — трупы утонув-

⁴⁴ Московский журнал, IV, стр. 278—286.

⁴⁵ Geßner, Bd. 2, SS. 70—74. — Позднее эта идиллия публиковалась в переводе Ивана Вышеславцева (Приятное и полезное препровождение времени, 1798, ч. XIX, стр. 254—259) и Тимковского. Любопытно, что Вышеславцев тоже изменил имена пастухов — у него их зовут Мизис и Ламон, — в остальном дав точный, хотя и несколько деревянный перевод.

⁴⁶ Geßner, Bd. 2, S. 71.

⁴⁷ Московский журнал, 1791, ч. IV, стр. 282.